

УДК 316.610.01

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕЛЕСНОГО В ТЕХНОЛОГИЯХ ПРИНУЖДЕНИЯ

А.А. Тягунов*, Е.А. Евстифеева*, А.В. Макаров**

*ГБОУ ВПО «Тверская государственная медицинская академия», г. Тверь

**ФГБОУ ВПО Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Анализируется конституированная новыми технологиями трансформированная телесность человека, которая актуализирует проблему сохранения баланса естественного и искусственного, живого и мертвого, биологического и технического, здорового и больного, нормального и патологического. Рассматриваются новые риски, влекущие утрату приватности, суверенности, аутентичности, интимности, самости, личностного достоинства. Контроль над новыми стигмами телесного становится предметом философской рефлексии.

Ключевые слова: телесность, боль, технологии принуждения.

В современном мире интенсивное развитие и применение технологий (биотехнологии, нанотехнологии, интернет-технологии, мобильные сервисы и др.) свидетельствуют как о новом этапе развития науки, так и об аксиологическом и этическом повороте. Как известно, любая технология направлена на экономию усилия, снижение напряжения, облегчение жизни, в том числе на модификацию несовершенства тела, в итоге – на результаты, недостижимые в естественных условиях. По сути, все технологии являются технологиями принуждения – своеобразными играми с желанием человека. Цель этих игр – устранение физической и психической боли, принуждение индивида к капитуляции перед действительностью, понятой в широком и узком смыслах. Речь идет о явных и латентных вмешательствах в границы телесного, об изменении меры естественного и искусственного, живого и мертвого, биологического и технического, здорового и больного, нормального и патологического, а также о новых рисках, порождаемых утратой приватности, суверенности, аутентичности, интимности, самости, личностного достоинства. Человек при этом постоянно рискует стать «жертвой прогресса технологий». Философская рефлексия этических критериев и принципов, которые определяют возможности и степени вмешательства, актуализирует проблему контроля над новыми стигмами телесного.

В историко-философском дискурсе о телесном регистрируется многозначность понятия, концепта и конструкта «телесность». Сущностными коннотациями телесного являются витальность, здоровье, смерть, болезнь, боль, страдание, уязвимость, изъяны и дефекты, психогенетическая заданность. Именно на эти «знаки» телесного в первую очередь воз-

действуют технологии принуждения. Телесность является социокультурным конструктом. Поэтому проблема телесного, трансформации телесного всегда сталкивалась с проблемами социокультурного характера, с конфликтами систем ценностей, противоречивыми социальными практиками, различными этическими традициями. Об этом пишет немецкий социолог и философ Д. Кампер: «В рефлексии всегда был неуклонный поиск незаписанного, “другого тела”, которое находится по ту сторону порядка знаков. При этом стояла задача – конституировать внутри языка неречь, которая могла бы гарантировать внеязыковую реальность в языке: это остаток, осадок, остающийся излишним, когда всё записано. Вероятно, речь идёт о боли, которая появляется тогда, когда проваливается отчаянная попытка сохранить в письменном наследии собственно тело. Что-то не раскрывается в символическом порядке. Об этом свидетельствует искусство. Позади остаётся пустыня, стерегущая свои границы, на которых разобранное тело оказывается неотличимым от тела без органов или текучей, как песок действительности, человеческой кожи. Актуальным является всё ещё загадочное расщепление тела на почти лишённую материи марионетку и почти лишённый записи комок библейской глины <...> На вершине современности человек, вероятно, реагирует, с одной стороны, вслепую на эту преувеличенную до самоконтроля и ставшую абстрактной надпись мира, поскольку он в технически симулированной программе жизни предаётся духовному удвоению испещренного тела, а с другой стороны, он реагирует на это депрессивно, с невыносимой тяжестью» [1, с. 34–36].

В концепции Ф. Ницше мы обнаруживаем мысли о телесном удостоверении нашего существования, о порогах тела, о действии знаков культуры на «онтологию» телесности: «...может быть во всей истории человека и не было ничего более страшного и более жуткого, чем его *мнемотехника*. “Вжигать, дабы осталось в памяти”: лишь то, что не перестаёт *причинять боль*, остаётся в памяти – таков основной тезис наидревнейшей (к сожалению, и продолжительнейшей) психологии на земле... Никогда не обходилось без крови, пыток, жертв, когда человек считал необходимым сотворить себе память; наиболее зловещие жертвы и залого... омерзительные увечья... жесточайшие ритуальные формы всех религиозных культов... – всё это берёт начало в том инстинкте, который разгадал в боли могущественнейшее подспорье мнемотехники... Чем хуже обстояло “с памятью” человечества, тем страшнее выглядели всегда его обычаи; суровость карающих законов, в частности, является масштабом того, сколько понадобилось усилий, чтобы одержать верх над забывчивостью...» [2, с. 455].

Постмодернисты расширяют диапазон описаний трансформации телесной идентичности в её корреляции с практиками принуждения. В контексте «карательных анатомий» Фуко эксплицирует основные качества тела как объекта. Тело обнаженное, выставленное напоказ, угне-

таемое касаниями, расчленяемое, залитое кровью, клеймимое, наконец, дисциплинарное тело. Оно коннотируется не как наказуемое тело, а как продукт – тело индивида и знание, которое можно получить о нем. Тело индивида обладает четырьмя характеристиками: оно клеточное (распределено в пространстве); органическое (кодирование деятельности); генетическое (суммирование времени); комбинированное (сложение сил). Для достижения этих четырех характеристик дисциплина использует четыре метода соответственно: построение таблиц; предписание движений; принуждение к упражнениям; использование «тактики». Дисциплинарная власть в сочетании с методами использует следующие основные средства: иерархический надзор, нормализующее наказание и экзамен. Последнее окончательно закрепляет информацию об индивиде, продукт получает свой код (см. [3]). Таким образом, по Фуко, дисциплинарное тело иначе испытывает боль и страдает. Практика эвтаназии, технологии анестезиологии показывают, что человек панически не желает испытывать боль, идет на все, даже на добровольную смерть.

В.А. Подорога справедливо указывает на корреляцию познания собственного тела, утонченную дифференциацию живого телесного образа и способностей выдерживать смерть, страдания, боль. На человеческих телах остаются мnezические следы: «Боль как основной инструмент карательных анатомий сближает нас с собственным телом и удаляет от него: *сближает* – поскольку мы готовы отказаться от собственного тела, лишь бы не испытывать боль, и этот жест отчаяния и есть жест близости, ибо он проявляет нас самих в нашей неотторгаемой близости с собственным телом; *удаляет* – поскольку мы все более ориентируемся на внутренние, персонифицированные телесные схемы, общие анатомии человеческой телесности, на тела-каноны, которые указывают на идеальные нормы поведения и которым мы должны быть послушны, ибо стремимся во что бы то ни стало избегать боли. “Телесная схема”, без которой невозможна сегодня никакая психиатрическая экспертиза, не есть некое врожденное нам чувство целостности собственного тела, скорее это мnezический след в нашем психическом опыте тела Другого, чью власть над собой мы признаем» [4, с. 27].

Таким образом, дискурсивное знание указывает вектор конструирования новых форм телесной идентичности, что вызвано социокультурными трансформациями, в том числе через технологии принуждения. Игры с телесной идентичностью без этических координат и императивов порождают дезадаптивные и деструктивные телесно ориентированные практики. Индикаторами масштаба таких игр являются в XXI в. катастрофические показатели смертности, рост неизлечимых заболеваний, психическая пандемия и т. п.

Современные технологии принуждения «играют» в первую очередь на феномене боли, её биологической, психологической, социальной составляющих. Современный скандинавский мыслитель

А.Ю. Ветлесен в книге «Философия боли» дефинирует её онтологический смысл. «Боль – будь она физической, психической или комбинацией их – имманентна человеческому существованию как таковому, и каждый проживает – терпит – её сам, хотя, на мой взгляд, боль в гораздо большей степени можно разделить с другими, подвергнуть трансформации при помощи культуры... Она происходит, говоря простым языком, от неизбежной уязвимости, которая всегда была частью человеческой природы, но которую мы (и в этом заключается культурное и историческое отличие нынешней эпохи от прежних) разучились терпеть – как в себе, так и в окружающих» [5, с. 231–232].

Попасть в капкан боли – самое страшное, что может случиться с человеком. Боль обладает способностью расчеловечить. Нет готовых рецептов выбраться из этого капкана. Что касается душевной боли, то её можно только выстрадать. Существуют культурные средства преодоления боли, символическая её трансформация. Так, Ветлесен пишет: «Трансформация психической боли при помощи символов выражается в создании картин, текстов и других образов, дающих выход нестерпимому внутреннему давлению. Это давление причиняет такую боль и создаёт такое внутреннее напряжение, что оно может обратиться в саморазрушение или в разрушение других, если не дать ему выход по третьему пути – в виде слов или звуков, картин или представлений о том, что причиняет боль. Таким образом, эти символические “образы” будут в состоянии нести (вмещать) боль. Другими словами, косвенное символическое вымещение всего, что воспринимается как боль или связано с болью, страхом или опасностью, каждый должен воспринимать и применять как приоритетный способ вымещения боли, предпочтительный переносу на других или непосредственному выражению.

Эти базовые условия не являются непосредственными причинами ощущения боли. Скорее, они дают почву и предпосылки к тому, что все мы подвержены боли, что унижение причиняет нам боль именно потому, что мы уязвимы, подобно тому, как серьёзная болезнь вызывает тревогу и депрессию потому, что мы смертны, и так далее» [там же, с. 131–132].

Современная эпоха отличается нетерпимым отношением к боли, своей и чужой, неумением терпеть и преодолевать боль. Здесь как раз и играют свою роль современные технологии принуждения. Речь идет о принуждении к выбору, о лишении автономии и приватности человека, о невозможности последнего самому определить границы возможного и невозможного, дозволенного и запрещенного. Всё это вызывает множество конфликтов, неврозы и депрессии, которые спровоцированы социальным давлением принудительности выбора. В качестве примера возьмем проблему психологических последствий влияния информационных технологий на человека и его телесность. Речь идет о том, что сегодня имеют место масштабные изменения, обусловленные техническим про-

грессом. По словам авторов статьи «Психологические последствия развития информационных технологий», сегодня наблюдаются «такие группы феноменов, как *киборгизация и инвалидизация*, с одной стороны, и *избыточная доступность и утрата приватности*, с другой. Технические средства настолько прочно входят в жизнь человека, что он не замечает, что использует их постоянно (киборгизация), но при отказе остро ощущает и переживает их нехватку (инвалидизация). Основная функция технического прогресса – расширение возможностей, в первую очередь в отношении получения и передачи информации и поддержания связи с другими людьми. Отдаленные люди становятся ближе и доступнее – всегда можно узнать о них, связаться с ними, а они могут связаться с тобой. В то же время такая доступность часто становится чрезмерной: человек может связаться “с кем угодно” и “когда угодно”, без учета каких бы то ни было психологических правил и границ общения. Говоря метафорическим языком, человек “открыт” окружающим – психологические границы при таком общении “стерты”, приватность нарушена» [6, с. 81–83].

Об изменении психологических границ тела и возможностей человека, о неконтролируемости тела, приводящей к его отчуждаемости, свидетельствуют яркие примеры. В клинической психологии известно много примеров искажений, связанных с особенностями телесности: фантомные ощущения, восприятие протезов как части тела, отчуждение тела при некоторых психических заболеваниях и т. п. Формирование и изменение границ телесности происходит в зоне так называемой «полупрозрачности» тела – зоне, где человек лишь частично контролирует свои функции.

При изучении изменения психологических границ понятие телесности понимается более широко и затрагивает не только физическое тело, но и «тело социальное», включая различные аспекты формирования самосознания и самоидентичности. В предельном случае в психологические границы включается все, что человек считает «своим», а внутренним критерием «своего» является контролируемость окружающих объектов.

Рассмотрим основные следствия такой расширенной трактовки. Во-первых, постоянно используемые технические средства, полностью контролируемые человеком, становятся настолько привычными, что включаются в его телесность. В результате человек перестает их замечать – до тех пор, пока эта подконтрольность не будет нарушена (например, не замедлится Интернет, не окажется забытым или утерянным мобильный телефон). В этом и заключается «обволакивающий», незаметный процесс слияния человека с его технологическими «протезами», превращающий его в «киборга». Во-вторых, технические средства, расширяя возможности человека, расширяют и его «телесные» границы – окружающие люди, информация становятся более достижимыми, дела более контролируемы (см. [6]). Метафорически говоря, условные

«границы тела» становятся практически бесконечными, позволяя общаться с человеком далеким и не достижимым физически – за много сотен километров или даже на другой стороне земного шара. Наконец, технический прогресс способствует «размыванию» психологических границ: человек сам становится доступным окружающим, с ним можно связаться в любой момент его жизни либо оставить ему сообщение, передать информацию. В последних двух случаях речь идет не просто о «расширении», а о «размывании» границ телесности.

«Люди не становятся доступнее друг другу в физическом смысле, это частичная доступность, которая регулируется принятыми в обществе конвенциями. Например, необходимость ответить на телефонный звонок или перезвонить при невозможности ответить (даже если звонит кто-то, с кем не хочется разговаривать) задается не физическими требованиями, а принятыми в культуре долженствованиями. Несмотря на то что человек может не слышать звонка, потерять телефон, не снимать трубку и т. п., невозможность дозвониться в течение долгого времени вызывает у звонящего тревогу, недоумение или раздражение. Человек привыкает к тому, что окружающие доступны» [6, с. 81–83].

Особое место занимает проблема так называемой психологической зависимости от технических средств, а также изменение структуры и особенностей потребностей человека, за что, в свою очередь, ответственно развитие сети Интернет и рекламы.

Среди причин, размывающих целостность человека, биологическую заданность, границы телесной идентичности, психическую саморегуляцию, – возможность современных информационных технологий манипулировать сознанием, притуплять критическую рефлексию человека, подавлять его самодетерминацию, игнорировать телесное начало. Киберпространство создает особое, внетелесное, виртуальное «Я», которое отличается от реального «Я». В киберпространстве размывается граница между реальным и нереальным, воображаемым. Теряется ясное представление о границе возможного и невозможного, осязаемого и «непроницаемого», которое всегда лежало в основе рациональной проекции в будущее, исчисляемости в действиях. Создатель виртуального «Я» может ценить его больше, чем реальное, экзистирующее, персональное «Я». Так, современный образ жизни, мобильность, часто мнимая, порождаемые информационными технологиями, интенсифицировали динамику перемещений в пределах Земли и ближнего космоса настолько, что способность к мгновенной ориентации и переключению кодов восприятия и поведения стала условием жизненной компетентности, телесной полноценности. Обстоятельно это описано в книге З. Баумана «Текущая современность» (см. [7]).

Воспроизводящаяся в Интернете анонимность (телесная и персональная) шизофренирует человека, расщепляет его телесность, лишает человеческих (возрастных, половых, этнических и т. д.) признаков. За

интернетовской «единицей» могут скрываться несколько лиц. Личность предстает как странник, путник. А главный человек – «человек без свойств», еще не реализованный, не идентифицированный, не явленный, «бестелесный», оболочка. Как пишет Д.А. Пригов, самозванство будущего – это «где проблема идентификации многоголовых, унифицированных клоном, лишенных основных старо антропологических экзистенций – травмы рождения, травмы взросления и травмы смерти – может привести в восторг, ужас или отчаяние носителей нынешней антропологии» [8, с. 27].

Новейшие конвергентные технологии проблематизируют основополагающие структуры самоидентичности человека, расщепляют ядро традиционной телесной идентичности. Виртуальная реальность, конституированная техникой как посредником, гипертрофирует её роль в ущерб телесного и психического, что резко ослабляет контакт с подлинной реальностью, где теряются критерии различения реального от нереального, ценности от её суррогата. Появление «электронной идентичности» – результат трансформации личности и телесности в мире социальных сетей: «...в киберпространстве возникает уникальная ситуация. Граница между личностью и социальной средой стирается, и становится непонятно, где человек, а где окружающие его культурные артефакты... Поэтому виртуальный мир выводит процесс интериоризации – вращивания социального пространства в личностное пространство (Л.С. Выготский), проявления культуры в чертах человеческой личности – на другой уровень. Изменение нашего поведения в социальном мире и эволюция методов потребления информации – это результат не только процесса формирования нашей виртуальной личности, но и трансформации нашей личности в целом. Это значит, что не только мы врываемся в виртуальный мир своей идентичностью, но и виртуальный мир врывается в нас, достраивая и расширяя пространство нашего Я» [9, с. 7].

Новейшие репродуктивные техники также размывают и путают телесную идентичность, которая была центрирована относительно места в системе родства такими маркерами, как сын, дочь, мать, отец, бабушка, дедушка и т. д. (см. [10]). Развитие технологий контрацепции разделяет эрос и деторождение, вынося их за рамки семейной жизни. Широкое применение технологий экстракорпорального оплодотворения и пересадка эмбриона в матку матери разрушает связь между зачатием и половой близостью, предлагая технические средства для оплодотворения в “пробирке”. Использование суррогатных матерей или в недалеком будущем искусственных маток еще дальше уводит эротическую жизнь от деторождения, максимально технологизируя последнее. Собственно, и сама эротическая жизнь насквозь пронизывается медикализированными технологиями контроля потенции, влечения, секса и т. д. Технология репродуктивного клонирования делает ненужным само зачатие, лишая смысла основополагающие культурные символы мужского и женского.

Технологии преимплантационной диагностики, терапии и совершенствования генетических качеств эмбрионов открывают возможности для целенаправленных манипуляций с ними, отбора наиболее удачных вариантов до момента трансплантации технологически усовершенствованного эмбриона в матку женщины. Одновременно технологии пренатальной (до родов) диагностики и лечения создают возможности для контроля за развитием плода в желаемом направлении уже в утробе матери. Проекты создания искусственной матки еще больше повысят степень контролируемости процессов развития плода от момента зачатия до рождения, превратив самого новорожденного в биотехнологическое изделие (см. [11]).

Однако использование перечисленных выше новейших технологий, которые воздействуют на здоровье, человека, его достоинство, благополучие, безопасность, порождает новые многочисленные ситуативные риски. Среди них следующие: риски клинических экспериментов; риски использования методов генной инженерии для получения рекордных результатов в спорте; риски обесценивания человеческого эмбриона; риски использования эмбрионов как биоматериала для тяжелобольных людей; риски репродуктивного клонирования. Опасность совершенствующихся технологий заключается в том, что они выскальзывают из-под контроля институциональных субъектов (государства и т. д.), не говоря уже о том, что они не выдерживают испытание моральными императивами.

Таким образом, новейшие технологии во многих отношениях нарушают меру допустимости «вхождения» в живое, в биологически-телесное. Потакая слабостям человека и удовлетворяя желание ограничить боль, которая имманентна человеческой телесности и психической жизни, новейшие технологии в действительности предельно импотензируют человека, делают его своим придатком, «рабом». Интернет, мобильная связь, вместе с другими новейшими технологиями, всё в большей степени оказывают влияние на степени телесной независимости и духовной свободы человека, объективируя последнего. Для человека как личности неприемлема зависимость, всякое вторжение, включая насилие над своим телом и внутренним миром. Так, «по определению», человеческая личность должна оставаться свободной, самотрансцендирующей.

Список литературы

1. Кампер Д. Тело. Насилие. Боль: сб. ст.: пер. с нем. Сост., общ. ред. и вступ. ст. В. Савчука. СПб., 2010.
2. Ницше Ф. К генеалогии морали // Соч.: в 2 т. М., 1990. Т.2.
3. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

4. Подорога В.А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М., 1995.
5. Ветлесен А.Ю. Философия боли: пер. с норв. М., 2010.
6. Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Психологические последствия развития информационных технологий // Национальный психологический журнал. 2012. №1(7).
7. Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008.
8. Пригов Д.А. Само-иденти-званство // Место печати: журнал интерпретационного искусства. 2001. № 13.
9. Асмолов А.Г., Асмолов Г.А. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформация идентичности в виртуальном мире // Вопросы психологии. 2009. № 3.
10. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004.
11. Баксанский О.Е., Гнатик Е.Н., Кучер Е.Н. Нанотехнологии, биомедицина, философия образования в зеркале междисциплинарного контекста. М., 2010.

TRANSFORMATION OF BODY IMAGE UNDER THE INFLUENCE OF COERCIVE TECHNOLOGIES

E.A. Evstifeeva, A.A. Tyagunov, A.V. Makarov

Tver State Medical Academy, Tver State Technical University (Tver)

The paper is aimed at the analysis of the transformed image of the human body constituted within the new technologies horizon. This change makes significant the problem of keeping balance between natural and artificial, being alive and dead, biological and technological, health and sickness, norm and pathology dimensions of a human bodily existence. New risks provoking the loss of privacy, sovereignty, authenticity, intimacy, self-identity, personal dignity are examined. Control of the new body stigmas also becomes the subject of philosophical reflection.

Keywords: *body image, pain, coercive technologies.*

Об авторах:

ЕВСТИФЕЕВА Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой психологии и философии ФГБОУ ВПО «Тверской государственной технической университет», e-mail: pif1997@mail.ru

ТЯГУНОВ Александр Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой страхования и управления рисками ФГБОУ ВПО «Тверской государственной технической университет», e-mail: tyagunova@mail.ru

МАКАРОВ Андрей Валерьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ГБОУ ВПО «Тверская государственная медицинская академия», e-mail: shoshinkan@mail.ru

EVSTIFEEVA Elena Aleksandrovna – Ph. D., Prof., Chair of Psychology and Philosophy Dept., Tver State Technical University, e-mail: pif1997@mail.ru

TYAGUNOV Alexander Aleksandrovich – Ph. D., Prof., Chair of Management and Risk Ensurance Dept., Tver State Technical University, e-mail: tyagunova@mail.ru

МАКАРОВ Andrey Valeryevitch – Ph. D., Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Psychology with Courses of Bioethics and Russian History, Tver State Medical Academy, e-mail: shoshinkan@mail.ru